

В. М. Есипов
БОЖЕСТВЕННЫЙ ГЛАГОЛ
Пушкин Блок Ахматова

Виктор Есипов

**Божественный глагол
(Пушкин, Блок, Ахматова)**

«Языки Славянской Культуры»

2006

УДК 811.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Есипов В. М.

Божественный глагол (Пушкин, Блок, Ахматова) /
В. М. Есипов — «Языки Славянской Культуры», 2006

ISBN 978-5-9551-0427-0

Основу нынешней книги составили работы последних четырех-пяти лет, написанные после подготовки и выхода в свет в нашем же издательстве предыдущей книги В. М. Есипова «Пушкин в зеркале мифов». Большинство их опубликовано в периодической печати или в специальных пушкиноведческих изданиях. Первый раздел состоит из работ, имеющих биографический характер. Во второй раздел «Комментируя Пушкина» вошли статьи и заметки, возникшие в результате подготовки к изданию нового собрания сочинений поэта, – плановой работы Института мировой литературы им. А. М. Горького, сотрудником которого является автор. Третий раздел составляют работы более общего характера, в которых рассматриваются трактовки некоторых пушкинских произведений и других произведений русской классики, представляющиеся автору сомнительными или неверными. Завершающий раздел, как и в предыдущей книге, обращен к классике XX века, к некоторым проблемам, связанным с творчеством Александра Блока и Анны Ахматовой.

УДК 811.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9551-0427-0

© Есипов В. М., 2006

© Языки Славянской Культуры, 2006

Содержание

От автора	6
Пушкин. Сюжеты с биографическим уклоном	7
Сановник и поэт	7
«Оставя честь судьбе на произвол...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Есипов

«Божественный глагол» (Пушкин, Блок, Ахматова)

От автора

Основу нынешней книги составили работы последних четырех-пяти лет, большинство которых опубликовано в периодической печати или в специальных пушкиноведческих изданиях. Некоторые написаны еще до выхода нашей книги «Пушкин в зеркале мифов» (издательство «Языки славянской культуры», 2006), но не были включены в ее состав из опасения нарушить композиционное единство. Другие, напротив, входили в предыдущую книгу, но публикуются вновь для смысловой связки с позже написанными статьями, часть которых продолжает прежде начатые темы. Так, например, произошло со статьями «Зачем ты грозный аквилон...» и «Почему Италия?», которые являются необходимым, на взгляд автора, смысловым фоном для новой работы «“Не в светлый край, где небо блещет...” (Об одном невоплощенном пушкинском замысле)». Еще одна из прежде публиковавшихся работ «К убийце гнусному явись...», вызвавшая при появлении в печати полемические отклики коллег, предшествует новой статье «Из чего мы бьемся?», отвечающей на эти отклики.

Первый раздел состоит из работ, имеющих биографический характер: история конфликта с графом М. С. Воронцовым, характер отношений с Аглаей Давыдовой, с сестрами Велио, история создания шестой главы «Евгения Онегина», сюда же входит попытка заново рассмотреть известную проблему биографических «Записок» А. О. Смирновой-Россет.

Статьи и заметки, включенные во второй раздел «Комментируя Пушкина», возникли в результате подготовки к изданию нового собрания сочинений поэта, отличающегося от всех предыдущих хронологическим, а не жанровым принципом расположения его сочинений, – плановой работы Института мировой литературы им. А. М. Горького, сотрудником которого является автор.

Третий раздел составляют работы более общего характера, в которых рассматриваются трактовки некоторых пушкинских произведений и других произведений русской классики, представляющиеся автору сомнительными или неверными.

Завершающий раздел, как и в предыдущей книге, обращен к классике XX века, к некоторым проблемам, связанным с творчеством Александра Блока и Анны Ахматовой. Так, в главах, посвященных творчеству Анны Ахматовой, прослеживаются отношения взаимовлияния и отталкивания с ее выдающимися современниками, каждому из которых посвящена отдельная глава: с Александром Блоком («“В изображенье серых глаз...” Блоковская тема в “Вечере” и “Четках” Анны Ахматовой»), Николаем Недоброво («Не страшай меня грозной судьбой...»), Осипом Мандельштамом («“Это наши проносятся тени...” Тема Мандельштама в творчестве Ахматовой 1940–1960 годов»). Сюда же включена новая работа о «Третьем и Последнем» посвящении «Поэмы без героя».

Курсив в цитатах, кроме специально оговоренных случаев, всюду наш.

Пушкин. Сюжеты с биографическим уклоном

Сановник и поэт (К истории конфликта Пушкина с графом М. С. Воронцовым)

1

Конфликт Пушкина с графом М. С. Воронцовым в Одессе, окончившийся для поэта исключением из службы и новой ссылкой в село Михайловское Псковской губернии, неоднократно и, казалось бы, всесторонне рассматривался. И все же суть конфликта до сих пор остается невыясненной в полной мере. Об этом свидетельствует, в частности, немалое количество современных публикаций, авторы которых ставят себе целью в той или иной степени оправдать поведение и способ действий Воронцова.

В периодике, например, можно встретить, утверждения такого рода: «историк Владимир Алексеев убедительно опроверг обвинение, звучавшее почти весь двадцатый век в адрес графа Михаила Семеновича Воронцова, якобы притеснявшего Пушкина»¹. Чуть более сдержанно суждение филолога Н. В. Забабуровой (электронная газета), пытающейся оправдать действия Воронцова его ревностью и неподобающим поведением поэта. По ее представлению, Воронцов искренне рассчитывал обрести в Пушкине «послушного и дельного чиновника, готового исправить былые прегрешения достойной службой царю и отечеству»².

Таких публикаций в периодике сегодня немало, нет никакого смысла останавливаться на них подробно. Можно было бы вообще не обращать на них внимания, но подобного рода утверждения встречаются теперь и в солидных филологических исследованиях на историко-литературные темы. Вот автор одного из них отчитывает Пушкина за гражданскую безответственность и дурное поведение:

«В жизни поэта было по меньшей мере два эпизода, которые так просто не объяснишь; причем если первый из них биографы трактуют до изумления легкомысленно, то второй предпочитают вовсе замалчивать.

Первый – знаменитая саранча, так забавлявшая всегда биографов, о которой все помнят дурацкие стишки неизвестного происхождения (конечно, приписанные Пушкину)³ и будто бы посрамление чванного вельможи Воронцова. А между тем все было совсем не так. В недавно освоенную Новороссию пришла беда, грозившая голодом. При всей своей ласковой надменности, подстрекаемый честолюбием генерал-губернатор был, однако, рачительным хозяином края и мобилизовал все тогда возможное для противостояния нашествию стихии, а в своем “аппарате” призвал и чиновников-тунядцев. В посылке в область бедствия молодого, здорового, скорого на слова и поступки коллежского секретаря для описания

¹ «Клеймили графа почем зря. А зря» // Парламентская газета. № 137 (1266). 25 июля 2003.

² Забабурова Н. В. «Могучей страстью очарован...» // Культура (РЭГ). № 4 (34). 24 февраля 2000.

³ Интересно было бы спросить уважаемого автора, кем «приписанные»? Ни в одном из собраний соч. Пушкина «стишков» про саранчу нет.

происходящего не было ничего оскорбительного и, скажем прямо, даже обременительного. Кроме того, хотя *пушкинское самомнение* уже тогда было весьма высоким (общеизвестные слова: Воронцов “видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое” (13; 103)), все же Пушкин еще не почитал себя гениальнейшим поэтом России. Не осмелившись прямо послушаться, он поехал, с полдороги вернулся, как обычно, понадеявшись на обаяние ведомой им на дамской половине светской болтовни; на сей раз, впрочем, самонадеянность подвела, – желанная благородность отставки обернулась исключением из службы за *дурное поведение*. Главное в этом эпизоде – острое нежелание хоть что-нибудь сделать *для пользы* лично ему чуждой – пользы около живущих людей, крестьян, общества, *народа*, наконец...»⁴

Несколько иную, казалось бы, оценку конфликта находим в одной из последних книг известного и весьма уважаемого нами литературоведа и критика. Он принимает как будто бы сторону Пушкина, но ситуация увидена им с позиции Воронцова. Впрочем, судите сами:

«...но вот вам судьба графа Михаила Семеновича Воронцова. Человек, во всех отношениях незаурядный; храбрец, заслуживший первый из трех своих георгиевских крестов еще за несколько лет до Бородина, когда на Кавказе вынес из-под огня раненого товарища; талантливый администратор, благоустроивший Новороссию; да мало ли что еще, включая и то, что раздавал чиновникам свое генерал-губернаторское жалование (...) Дстойный, достойнейший господин, – а чем он прежде всего вспоминается нам? “Полугерой, полу-невежда, к тому ж еще полу-подлец!” Даже в алушкинском знаменитом дворце Воронцова рядом с парадным его портретом значатся злосчастные строки, – все потому, что (опять нечистый попутал!) в цветущий его край занесло ссыльного поэта, мальчишку, который, изволите видеть, решил, будто стихи его поважней государственной службы, да еще приударил за нестрогой графиней... И вот несомненный героизм Воронцова своевольно уполовинен, а европейская образованность, приобретенная в Англии, нахально поставлена под сомнение: “полу-невежда”!

Несправедливо? Несправедливо. Но что поделаешь?»⁵

То есть Воронцов по человечески был прав и был «достойным господином», но беда его в том, что «ссылный поэт, мальчишка», которого «занесло» под его начало (как «занесло», поясним в дальнейшем), оказался гением. И «что поделаешь», гению все принято прощать. А не окажись «мальчишка» гением, – правота Воронцова не подлежала бы сомнению, обсуждать было бы нечего!..

И становится ясно, что в литературе о Пушкине обозначилась сегодня новая тенденция – уничижительная по отношению к поэту и, по меньшей мере, оправдательная по отношению к Воронцову. При этом дело не обходится, конечно, без критики той трактовки интересующего нас конфликта, которая была принята в советском пушкиноведении.

⁴ Сквозников В. Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. М.: Наследие, 1999. С. 29. «Второй эпизод», обративший на себя внимание уважаемого автора, с Воронцовым никак не связан. Он относится к Болдинской осени 1830 года, во время которой, к возмущению Сквозникова, Пушкин не принял участия в «укреплении и упорядочении карантинных (холерных. – В. Е.)». Заметим на это, что прими Пушкин «благотворное предложение уездного предводителя дворянства» – и мы не досчитались бы в его наследии нескольких шедевров, написанных им в ту благословенную осень, а то и вся она могла оказаться столь же бесплодной в творческом отношении, как болдинская осень 1834 года! Зато мы имели бы отличный поступок Пушкина-дворянина. Видимо, В. Д. Сквозников представляет себе творческий процесс в духе наивной утопии Маяковского из поэмы «Хорошо»: «Землю пошлет / попишет стихи...»!

⁵ Рассадин С. Б. Русские, или Из дворян в интеллигенты. М.: Книжный сад, 1995. С. 24.

Что ж, нельзя не согласиться, что на выводах советских исследователей этого вопроса в той или иной мере сказывались идеологические установки времени, не так явно, правда, как при разработке проблемы «Пушкин и декабристы». В то же время нельзя не признать и то, что советскими пушкиноведами был накоплен большой фактический материал (найлены новые документы и письма), проливающий дополнительный свет на историю отношений Пушкина и Воронцова, которым мы никак не вправе пренебречь. Ведь факты остаются фактами при любых идеологических установках!

Приверженцы нового идеологического перекося, судя по всему, исходят из того, что граф Воронцов М. С. (1782–1856) среди именитых сановников своего времени выглядел фигурой незаурядной. Вот, например, его характеристика, содержащаяся в комментариях В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского к известному изданию Дневника Пушкина 1923 года:

«...с 1845 года князь, с 1852—светлейший, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, один из наиболее выдающихся и заслуженных русских государственных деятелей первой половины XIX века. Сын известного дипломата графа Семена Романовича Воронцова, бывшего в течение многих лет русским послом в Англии (...) в битве под Бородином его дивизия находилась в центре боя и почти целиком была уничтожена при отражении французских атак, а сам он был ранен; оправившись от ран, он вернулся к армии и принял деятельное участие в заграничном походе 1813—14 гг., причем в битве при Краоне 23 февраля 1814 года успешно действовал против самого Наполеона (...) В 1820 г. он был назначен командиром 3-го пехотного корпуса, а в 1823-м Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бесарабии (...) во всех начинаниях Воронцов проявлял широкий государственный ум, трезвость взгляда, энергию и настойчивость, благодаря чему эпоха его управления Новороссией и Кавказом отмечена несомненным подъемом благосостояния этих окраин империи, а население сохранило о нем добрую память, как о просвещенном и благожелательном начальнике»⁶.

Есть, конечно, в этой характеристике и определенное преувеличение заслуг Воронцова, в частности, его успешных действий в битве при Краоне во Франции – на самом деле исход боя был предрешен действиями графа П. А. Строганова, который командовал дивизией и лишь в последний момент передал командование Воронцову в связи с гибелью в бою сына⁷. Эпизод этот нашел отражение в черновой строфе главы шестой «Евгения Онегина», не вошедшей в окончательную редакцию романа:

Но плакать и без раны можно
О друге, если был он мил
Нас не дразнил неосторожно
И нашим прихотям служил.
(Но если Жница роковая
Окровавленная, слепая,
В огне, в дыму – в глазах отца
Сразит залетного птенца!)
О страх! о горькое мгновенье
О Ст(роганов) когда твой сын
Упал сражен, и ты один.

⁶ Саводник В. Ф., Сперанский М. Н. Комментарий к Дневнику Пушкина // Дневник А. С. Пушкина. М.: Три века, 1997. С. 487.

⁷ См. об этом: Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб., 1998. С. 470.

[Забыл ты] [Славу] <и> сраженье
И предал славе ты чужой
Успех ободренный тобой.

(VI, 411–412)⁸.

Есть и другие преувеличения в этом панегирике Воронцову, которые откроются нам чуть позже. Но несмотря на все преувеличения, Воронцов, по-видимому, действительно был незаурядным сановником. И не только сановником, но и военачальником. Приверженцы новой тенденции могли бы привести и строки Жуковского из известной патриотической баллады «Певец во стане русских воинов» (быть может, они кем-то и приводятся, но далеко не всеми!), посвященные Воронцову как герою Бородинского сражения:

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда полмертв, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями...

«Одним из энергичнейших и культурнейших администраторов» XIX века назвал графа В. В. Вересаев в своей известной книге «Спутники Пушкина»⁹.

А вот к вопросу о том, был ли Воронцов при этом еще и «достойным господином», мы еще вернемся. Ведь в отечественной и мировой истории известно немало примеров, когда человеческие качества выдающихся государственных деятелей оставляли, как говорилось когда-то, желать лучшего.

Пока же напомним вкратце этапы и обстоятельства конфликта.

2

Встреча с Воронцовым, во время которой новый генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии объявил о переходе Пушкина под его начало, состоялась 22–23 июля 1823 года, когда поэт уже находился в Одессе. Решение Воронцова, определившее судьбу Пушкина на ближайшие годы, явилось результатом стараний П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, которые в тот момент считали графа просвещенным и достаточно либеральным сановником. Так, примерно за месяц до этого Тургенев сообщал Вяземскому о предпринятых для улучшения положения Пушкина мерах в письме от 15 июня 1823 года:

«О Пушкине вот как было. Зная политику и опасения сильных сего мира, следовательно и Воронцова, я не хотел говорить ему, а сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Нессельроде утвердил первого, а я присоветовал ему сказать о сем Воронцову. Сказано – сделано. Я после и сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания – все есть; за талантом дело не

⁸ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 411–412. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию, при необходимости ссылки даются в тексте, как здесь.

⁹ Вересаев В. В. Спутники Пушкина: В 2 т. Т. 2. М.: Сов. спорт, 1993. С. 365.

станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем, я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова – в Италию – с ума сошел; что-то будет с Пушкиным?»¹⁰

Очень значимое слово здесь «меценат», понимаемое Тургеневым в том смысле, что Воронцов, один из «сильных сего мира», возьмет под защиту опального Пушкина, обеспечит ему возможность творить на благо, если выразиться несколько высокопарно, отечественной поэзии.

Но Воронцов, соглашаясь взять Пушкина к себе, как оказалось впоследствии, понимал свою роль совершенно иначе, – дурные предчувствия не обманули Тургенева. Хотя по началу все складывалось как будто бы благополучно. Так, Пушкин сообщал брату в письме от 25 августа 1823:

«...я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу – я оставил мою Молдавию и явился в Европу – ресторация и италийская опера напомнили мне старину и ей Богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе...» (XIII, 66–67).

Однако уже в письме Тургеневу от 1 декабря 1823 года появляются настораживающие нотки: «Надобно подобно мне провести 3 года в душном азиатском заточении, чтобы почувствовать цену и *не вольного европейского воздуха*» (XIII, 78; курсив наш. – В. Е.). «Не вольный европейский воздух» (если сравнить с приподнятым тоном письма от 25 августа: «я оставил мою Молдавию и явился в Европу») – это, по-видимому, первый вздох, первое ощущение неудовлетворенности своим положением под надзором Воронцова.

Концом декабря 1823 – 24 января 1824 года датировал М. А. Павловский в «Летописи...» самое раннее свидетельство Ф. Ф. Вигеля о неприязненном отношении Воронцова к Пушкину:

«Раз сказал он мне: Вы, кажется, любите Пушкина; не можете ли вы склонить заняться его чем-нибудь путным, под руководством вашим? – Помилуйте, такие люди умеют быть только великими поэтами, – отвечал я. Так на что же они годятся? – сказал он»¹¹.

В феврале 1824 года И. П. Липранди, встречавшийся с Пушкиным в Одессе (С. Л. Абрамович датировала эту встречу 12–19 февраля), «начал замечать какой-то *abandon* (отчужденность. – В. Е.) в Пушкине» и, как отметила Абрамович, «впервые почувствовал значительную перемену в настроении поэта и его недовольство своим положением»¹².

А уже 6 марта 1824 года Воронцов в письме своему близкому другу генералу П. Д. Киселеву не скрывает неприязни к поэту и сожалеет о том, что взял его к себе:

«Что же касается Пушкина, то я говорю с ним не более 4 слов в две недели; он боится меня, так как знает прекрасно, что при первых дурных слухах о нем я отправлю его отсюда и что тогда *уже никто не пожелает себе такой обузы* (...) По всему, что я узнаю на его счет и через А. Д. Гурьева, и через А. И. Казначеева, и *через полицию*, он теперь очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, я отослал бы его и лично был бы в восторге от этого, так как я не люблю его манер и не такой уж поклонник его таланта –

¹⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1820–1823. СПб.: Изд. графа С. Д. Шереметьева, 1899. С. 327–328.

¹¹ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 6. М.: Изд. Русского архива, 1892. С. 172.

¹² Абрамович С. К истории конфликта Пушкина и Воронцова // Звезда. Л., 1974. № 6. С. 194.

нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно» (ориг. по-фр.)¹³.

Не будем здесь подробно комментировать этот в высшей степени интересный для нас документ, отметим лишь, что просвещенный сановник не брезговал и полицейским надзором за поэтом, лично интересовался, какие сведения о нем накоплены полицией! И уж, конечно, ни в малейшей степени не собирался брать на себя роль мецената, в том смысле этого слова, какой вкладывали в него Тургенев и Вяземский. Ведь Воронцов видел свои отношения со ссыльным поэтом в совершенно ином ракурсе. Позднее (в конце мая – начале июня 1825 года), уже находясь в Михайловском, Пушкин напишет А. А. Бестужеву:

«У нас писатели взяты из высшего класса общества – аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, – дьявольская разница!» (XIII, 179)...

Столь же неприязненным отношением к поэту проникнуто и письмо к М. Н. Лонгинову от 8 апреля 1824 года:

«На теперешнее поведение его (Пушкина. – В. Е.) я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в разговорах гораздо скромнее, нежели был прежде, но, первое, ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лени, другое – таскается с молодыми людьми, которые умножают самолюбие его, коего и без того он имеет много; он думает, что он уже великий стихотворец, и не воображает, что надо бы еще ему долго почитать и поучиться, прежде нежели точно будет человек отличный»¹⁴.

Таким образом, видимой причиной неудовольствия Воронцова является нежелание Пушкина прилежно исполнять обязанности чиновника, хотя предыдущие начальники (и в Петербурге, и в Кишиневе) не требовали этого от Пушкина, поэта и дворянина, что было для того времени в порядке вещей. И для Пушкина это был вопрос принципиальный. Позднее, когда конфликт вступил в открытую фазу, он откровенно объяснил свою позицию в письме к А. И. Казначееву. Вот как сформулирована она в сохранившейся черновой редакции письма:

«Семь лет я службою не занимался, не писал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель.

Ради Бога, не думайте, чтобы я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость. Думаю, что граф Воронцов не захочет лишить меня ни того, ни другого. Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить. Вы знаете, что только в Москве и в Петербурге можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 верст от столицы. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои

¹³ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 1. М.: Слово, 1999. С. 376.

¹⁴ Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. СПб.: Искусство-СПб., 1999. С. 143.

утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалованье чиновника, но как паек ссыльного невольника. Я готов от них отказаться, если не могу быть властен в моем времени и занятиях...»

Как видно из приведенного фрагмента письма, Пушкин не считал себя обязанным служить и приводил для обоснования этого весьма веские, на наш взгляд, доводы.

Тем не менее 6 марта Воронцов еще не был готов к решительным действиям против Пушкина. Но уже к концу марта ситуация изменилась (то ли Пушкин сумел чем-то особенно досадить графу, то ли у того кончилось терпение): 28 марта он пишет письмо графу К. В. Нессельроде, управляющему Коллегией иностранных дел, чиновником которой продолжал оставаться Пушкин во время своей южной ссылки. В письме «в самых осторожных и сдержанных выражениях и вытекающих как будто из самых чистых побуждений, направленных на пользу самого Пушкина»¹⁵, он просил удалить поэта из Одессы. Мотивировочная часть письма (с намеком на общественное возбуждение, вызываемое присутствием Пушкина в городе) вполне могла быть признана в Петербурге убедительной, несомненный интерес представляет она и для нас:

«Основной недостаток г. Пушкина – это его самолюбие. Он находится здесь и за купальный сезон *приобретает еще более людей, восторженных поклонников его поэзии*, которые полагают, что выражают ему дружбу, восхваляя его и тем самым оказывая ему злую услугу, кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем, как он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорда Байрона) ...» (ориг. по-фр.)¹⁶.

Однако «осторожность и сдержанность» тона Воронцова обманчивы. Фраза о том, что Пушкин «за купальный сезон приобретает еще более людей, восторженных поклонников его поэзии», далеко не безобидна, если учесть, как воспринималась ситуация в Одессе верховной властью. Весьма интересный для нас в этом смысле документ (письмо Александра I Новороссийскому генерал-губернатору от 2 мая 1824 года) опубликован в 1982 году Л. М. Аринштейном в статье, посвященной истории высылки Пушкина из Одессы:

«Граф Михайло Семенович!

Я имею сведение, что в Одессу стекаются из разных мест и в особенности из Польских губерний и даже из военнотружущих без позволения своего начальства многие такие лица, кои с намерением или по своему легкомыслию занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние (...) Будучи уверен в усердии и попечительности Вашей о благе общем, я не сомневаюсь, что Вы обратите на сей предмет особенное свое внимание и примете строгие меры, дабы подобные беспорядки (...) не могли иметь места в столь важном торговом городе, какова Одесса...»¹⁷

Хотя письмо царя написано через месяц с небольшим после обращения Воронцова к Нессельроде, мнение о ситуации во вверенном ему городе сложилось в Зимнем дворце, конечно, значительно раньше, и граф не мог не догадываться, что это его обращение придется кстати и послужит доказательством его лояльности царю. Мы не разделяем при этом основного вывода статьи Аринштейна: Воронцов будто бы добивался удаления Пушкина по соображениям исключительно политическим и карьерным. По нашему мнению, Воронцов руководство-

¹⁵ Саводник В. Ф., Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 492.

¹⁶ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 383.

¹⁷ Аринштейн Л. М. К истории высылки Пушкина из Одессы // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л.: Наука, 1982. С. 293.

вался в своих закулисных действиях прежде всего личной неприязнью к поэту, но, конечно, он отдавал себе отчет в том, что эти его действия являлись политически целесообразными и должны были быть восприняты верховной властью благосклонно. В том и заключалась потаенная суть интриги, потому и не требовалось каких-либо резких слов и обличений в адрес Пушкина. Кроме того, нужно было соблюсти видимость благопристойности: мало ли кому могло стать известным содержание письма. Нет, до уровня примитивного доноса, граф еще не опустился – это произойдет с ним позже, в 1828 году, в связи с вызывающей выходкой Александра Раевского...

А в 1824 году Воронцов просил удалить Пушкина, причем куда-нибудь подальше от Одессы – не в Кишинев, где находился поэт до того, потому что и туда смогут ездить к нему «восторженные поклонники», да и «в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество»¹⁸. А кроме того, из Кишинева, пользуясь добротой и расположением своего бывшего начальника генерала И. Н. Инзова, Пушкин смог бы беспрепятственно посещать Одессу: «...он будет тогда в Одессе, но без надзора»¹⁹. А вот этого, по мнению Воронцова, никак нельзя было допустить! Столь веский довод наверняка с пониманием был воспринят его адресатом.

Относительно Инзова Воронцов был прав. Генерал (по некоторым сведениям, побочный сын Павла I) ценил талант Пушкина и относился к поэту по отечески. Пушкин также питал к своему бывшему начальнику теплые чувства и с большой симпатией охарактеризовал его в «Воображаемом разговоре с Александром I». Как вспоминал впоследствии Вигель, старый генерал был очень огорчен переводом поэта из Кишинева в Одессу и предчувствовал его неблагоприятные последствия для Пушкина:

«Зачем он меня оставил? (...) Конечно, в Кишиневе иногда бывало ему скучно; но разве я мешал его отлучкам, его путешествиям на Кавказ, в Крым, в Киев, продолжавшимся несколько месяцев, иногда более полугодом? Разве отсюда не мог он ездить в Одессу, когда бы захотел, и жить в ней сколько угодно? А с Воронцовым, право, несдобровать ему...»²⁰

Но возвратимся к письму Воронцова.

Что послужило непосредственной причиной его первого (потом их будет еще несколько) письма к Нессельроде, нам не известно. Нет никаких сведений о том, чтобы Пушкин до 28 марта 1824 года подал своему могущественному недоброжелателю какие-либо поводы для ревности в отношении графини, хотя увлечение поэта ею могло возникнуть еще в декабре 1823 года. Известно однако, что все это время у него продолжался довольно бурный роман с Амалией Ризнич²¹.

Скорее всего, причина была в другом, и Воронцов, по-видимому невольно, сам назвал ее в письме: «Основной недостаток г. Пушкина – это его самолюбие». Или, иначе говоря, независимая манера поведения поэта. Вспомним пушкинское признание Бестужеву (письмо конца мая – начала июня 1825 г.) в том, что авторское самолюбие «сливается» у него с «аристократической гордостью шестисотлетнего дворянина». Вот что не могло не раздражать властного сановника, давно привыкшего к лестии и заискиванию подчиненных.

Не самолюбие, а чувство собственного достоинства, по убеждению близко сошедшегося с поэтом в годы его южной ссылки В. П. Горчакова, «с первого дня представления Пушкина гр. Воронцову уже поселило в Пушкине нерасположение к графу»²².

¹⁸ Там же. С. 384.

¹⁹ Там же.

²⁰ Вигель Ф. Ф. Записки.: В 2 кн. Кн. 2. М.: Захаров, 2003. С. 1103.

²¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 336.

²² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1974. С. 342.

В этом же видели истинную причину конфликта пушкинисты начала XX в.: «Гордая независимость Пушкина, его свободная манера держаться в обществе могли не нравиться Воронцову, вызывать в нем чувство недоброжелательства по отношению к Пушкину, в котором он видел прежде всего мелкого и притом опального чиновника, а не гениального поэта»²³.

Укажем в качестве одного из примеров независимого поведения поэта на его нежелание, несмотря на стесненное материальное положение, обедать у Воронцова, который «для всех своих несемейных чиновников держал “открытый стол”»²⁴. Брату (в том же, уже цитированном нами, письме от 25 августа 1823 года, где сообщалось о любезном и ласковом приеме Воронцова) Пушкин писал по этому поводу:

«Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон Божий и 4 первые правила – но служу и не по своей воле – ив отставку идти невозможно (...) На хлебах у Воронцова я не стану жить – не хочу и полно...» (XIII, 67).

Воронцов же, будучи достаточно богатым, наоборот, всячески стремился выступать по отношению к своим подчиненным в качестве благодетеля, чтобы расположить их к себе и стимулировать таким образом их личную преданность²⁵. Поэтому нежелание Пушкина одалживаться у начальника не могло ему понравиться.

Острое раздражение Воронцова вызывало, как мы уже отмечали, нежелание поэта становиться прилежным чиновником.

Да и все поведение Пушкина было подчеркнуто, порою даже вызываясь, независимым. Об этом можно судить по отзыву о поэте Н. В. Басаргина, будущего декабриста, а в те годы адъютанта генерала Киселева:

«В Одессе я встретил также нашего знаменитого поэта Пушкина. Он служил тогда в Бессарабии при генерале Инзове. Я еще прежде этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал. Как человек он мне не понравился. Какое-то бретерство, *suffisance* (высокомерие – фр.), и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли. В Кишиневе он имел несколько поединков»²⁶.

Не отказывал себе Пушкин и в удовольствии щегольнуть порой колкой эпиграммой, большая часть которых, как утверждал Липранди, не записывалась автором²⁷. Известен, например, фрагмент одной из них, касающейся «некоторых дам, бывших на бале у графа», стихи эти, по свидетельству Липранди, «своим содержанием раздражили всех»²⁸:

Мадам Ризнич с римским носом,
С русской (–)

Рено. (11,419).

²³ Саводник В. Ф., Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 490.

²⁴ Абрамович С. К истории конфликта Пушкина и Воронцова // Звезда. Л., 1974. № 6. С. 192.

²⁵ Соответствующее свидетельство Ф. Ф. Вигеля приводится ниже (с. 28).

²⁶ Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003. С. 195.

²⁷ Липранди И. 77. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1974. С. 342.

²⁸ Там же.

Известно, что бал этот имел место 12 декабря 1823 года, а стихи датируются 13–20 декабря...

В. Ф. Вяземская, правда, уже позднее, в июне, встретившись с Пушкиным по приезде в Одессу, писала мужу:

«Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича, поэте Пушкине. Это совершенно сумасшедшая голова, с которой никто не может совладать...» И далее: «...никогда не приходилось мне встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нем: вместе с тем, я думаю, у него доброе сердце и много мизантропии; не то чтобы он избегал общества, но он боится людей; это, может быть, последствие несчастий и вина его родителей, которые его таким сделали»²⁹.

Все эти особенности характера поэта, резко выделявшие его из чиновничьей среды, только усиливали неприязнь властного и надменного Воронцова.

Кульминацией же конфликта стал известный эпизод с командированием Пушкина «на саранчу» 22–23 мая. Ситуация тех дней довольно выразительно описана Вигелем:

«Через несколько дней по приезде моем в Одессу встревоженный Пушкин вбежал ко мне сказать, что ему готовится величайшее неудовольствие. В это время несколько самых низших чиновников из канцелярии генерал-губернаторской, равно как из присутственных мест, отряжено было для возможного еще истребления ползающей по степи саранчи; в число их попал и Пушкин. Ничего не могло быть для него унижительнее... Для отвращения сего добрейший Казначеев медлил исполнением, а между тем тщетно ходатайствовал об отменении приговора. Я тоже заикнулся было на этот счет; куда тебе!

Он (Воронцов. – В. Е.) побледнел, губы его задрожали, и он сказал мне: “Любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце...”»³⁰

Что же заставило графа, позабыв о своих утонченных манерах и выдержке англomана, унизиться в глазах подчиненного до откровенной грубости? Видимо, сильно досадил ему Пушкин каким-то поступком, он умел это сделать! Но скорее всего дело в том, что конфликт к этому времени перерос в открытое противостояние.

Причиной обострения конфликта могла стать и ревность Воронцова, если он заметил (или узнал от доброжелателей) что-то подозрительное в отношениях поэта с его женой, хотя никаких свидетельств тому мы не имеем (отметим все же, что в начале мая 1824 года Одессу навсегда покинула Амалия Ризнич). Но даже если это была ревность, достойный человек не избрал бы для наказания неправого, по его мнению, столь недостойные способы, к каким прибег Воронцов, не стал бы плести против него искусные интриги. Однако все эти предположения о ревности (и в мае 1824 года), как мы уже отметили выше, остаются лишь предположениями. Никаких внятных свидетельств на этот счет нет ни в воспоминаниях Липранди, ни в «Записках» Вигеля, ни в письмах Вяземской к мужу из Одессы. Последнее обстоятельство особо подчеркнул в свое время Б. Л. Модзалевский:

«Никаких намеков ни на ревность Воронцова, ни на предательство Раевского, ни на политические выходки Пушкина в письмах Вяземской не находим, – а она, конечно, была в полном курсе всего, что происходило тогда в

²⁹ Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб.: Искусство-СПБ., 1999. С. 146.

³⁰ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 1121.

Одессе и что касалось Пушкина, к которому она относилась с живой и нежной симпатией»³¹ (...)

Возвратившись из командировки, Пушкин имел объяснение с Воронцовым, подробности которого нам не известны, и 2 июня 1824 года написал прошение об отставке на высочайшее имя, известив об этом генерал-губернатора – 8 июня прошение это было получено в его канцелярии и незамедлительно отправлено в столицу

В уже упоминавшейся нами статье Абрамович увидела в командировании Пушкина «на саранчу» тщательно спланированную интригу:

«Со стороны Воронцова все это было точно рассчитанным ходом. Дело в том, что прошло уже почти два месяца с тех пор, как граф направил Нессельроде свое ходатайство о переводе Пушкина, а из Петербурга еще не было никакого ответа, несмотря на то, что Воронцов в письмах снова и снова напоминал о своей просьбе. Воронцов был достаточно проницателен, чтобы предвидеть реакцию Пушкина. Даже в письмах Нессельроде и Киселеву он неоднократно проговаривался, что его больше всего раздражает “самолюбие” поэта. И расчет Воронцова оправдался... После возвращения из командировки Пушкин совершил отчаянный в его положении шаг: он подал на высочайшее имя прошение об отставке (...) Конечно там (в Петербурге. – В. Е.) это прошение Пушкина было расценено как дерзкий вызов, что несомненно ухудшило участь поэта»³².

Этими же днями датируется убийственная эпиграмма на Воронцова «Полу-милорд, полу-купец...» и начальные стихи другой эпиграммы «Сказали раз царю, что наконец...». Поэт защищается единственным доступным для него способом.

И тут неблагоприятную для него ситуацию усугубила новая неприятность. Содержание пушкинского письма (датируется апрелем – 15 мая) одному из друзей об «уроках чистого афеизма», которые он якобы берет у воронцовского доктора англичанина Уильяма Хатчинсона, стало известно властям. Теперь вопрос об исключении из службы и новой ссылке был окончательно решен самим императором.

Как сообщал Нессельроде Воронцову письмом от 11 июля 1824 года, Александр I принял его предложение об удалении Пушкина «после рассмотрения тех основательных доводов», на которых Воронцов основывал свои предложения, и «подкрепленных в это время другими сведениями, полученными Е. В. об этом молодом человеке...»³³. «Другие сведения» – это, в частности, перлюстрированное полицией пушкинское письмо об атеизме, выписка из которого прилагалась к письму Нессельроде.

Но поэт не догадывался о приближающейся развязке. Именно в летние месяцы роман с графиней Воронцовой получил, по-видимому, наивысшее развитие и драматизм, особенно в последние дни июля. Подтверждением тому служит известное свидетельство Вяземской в письме к мужу из Одессы от 1 августа 1824 года:

«Я была единственной поверенной его (Пушкина. – В. Е.) огорчений и свидетелем его слабости, так как он был в отчаянии от того, что покидает Одессу, в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает. Не говори ничего об этом, при свидании мы потолкуем об этом менее туманно, есть основания прекратить этот разговор»³⁴.

³¹ Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. С. 146–147.

³² Абрамович С. Указ. соч. С. 195–196.

³³ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I. С. 416–417.

³⁴ Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Утаенная любовь Пушкина. СПб., 1997. С. 324.

Неожиданный финал наступил 29 июля 1824 года: одесский градоначальник А. Д. Гурьев, по указанию Воронцова, находившегося в Симферополе, объявил Пушкину об увольнении и обязал его немедленно выехать в Михайловское, да в пути нигде не останавливаться до прибытия в Псков...

Вяземский был потрясен жестокой расправой с Пушкиным, он всерьез опасался катастрофических последствий Михайловской ссылки для своего молодого друга и в письме от 13 августа 1824 года излагал свои опасения Тургеневу:

«Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство – заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской? Правительство верно было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказание за вины, которые не подходят ни под какое право? (...) Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина! (...) Тут поневоле примешься за твое геттингенское лекарство: не писать против Карамзина, а пить пунш. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на *сoup de grace*, что нанесли ему. Не предвижу для него исхода из этой бездны. Неужели не могли вы отвлечь этот удар? Да зачем не позволить ему ехать в чужие края?»³⁵

Столичное общественное мнение, как сообщал Пушкину в Михайловское А. А. Дельвиг в письме от 28 сентября, было на стороне поэта: «Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит. Я не видал ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова...» (XIII, 110) – но от этого новая ссылка не становилась менее тяжелой.

Существует, правда, мнение, что без Михайловской ссылки поэтическое развитие Пушкина пошло бы по совершенно другому пути: не было бы «Бориса Годунова», совсем иными были бы центральные главы «Онегина» (IV, V и VI). Что ж, очень может быть. Но не стоит забывать, что все эти вершинные создания появились на свет лишь благодаря тому, что Пушкин действительно оказался, по выражению Вяземского, «богатырем духовным», выстоял, выжил, вопреки обстоятельствам.

А сколько было критических, невыносимо трудных ситуаций: разрыв с отцом, едва не приведший к катастрофическим последствиям; обида на друзей в Петербурге и новые взывания к ним о помощи; мысли о побеге за границу; неосуществившееся, к счастью, спонтанное желание самовольно выехать в Петербург накануне декабрьского восстания; и самое страшное – постоянно осознаваемая бессрочность ссылки. Нет, прав был наш современник, откликнувшийся на эту тему такими стихами:

...Ну что ж!
Пусть нам служит утешеньем
После выплывшая ложь,
Что его пленяла ширь,
Что изгнанье не томило...
Здесь опала. Здесь могила.
Святогорский монастырь³⁶.

Нет, ссылка все-таки оставалась ссылкой, и рассуждать о том, как она была благодатна для 25-летнего поэта, могут только люди, никогда не испытавшие ничего подобного.

³⁵ Остафьевский архив. Т. III. С. 73–74. *Soup de grace* – добывающий удар.

³⁶ Самойлов Д. Святогорский монастырь // *Равноденствие*. М.: Худ. лит., 1972. С. 148–149.

3

Итак, личный конфликт мелкого чиновника канцелярии Александра Сергеевича Пушкина с генерал-губернатором графом Михаилом Семеновичем Воронцовым завершился, как того и следовало ожидать, полной победой последнего. То есть начальник, если прибегнуть к современной лексике, в полной мере использовал свое служебное положение. Сама эта победа многое говорит о человеческих качествах Воронцова. Он показал себя мелким и мстительным человеком – всю свою власть и все свое влияние при дворе он использовал для того, чтобы попытаться унижить, раздавить подчиненного, посмеявшегося демонстрировать ему чувство собственного достоинства.

Воронцов всегда вел себя так с неугодными ему людьми. О соединении в его характере «самых любезных свойств с ужасным, всякую меру превосходящем самолюбием»³⁷ свидетельствовал Вигель, вспоминая о том времени (1815–1816), когда Воронцов командовал русскими оккупационными войсками в Париже. Уже в то время, как считал Вигель, «привычка быть обожаемым обратилась у него в потребность; он стал веровать только в себя и в приближенных своих, а на всех прочих смотрел с жесточайшим презрением»³⁸. Там жертвою Воронцова оказался «безобидный» генерал Алексеев:

«Внимая наговорам, разным родственным сплетням, без всякой настоящей причины, стал он вдруг сильно преследовать человека в равном с ним чине (...) Оскорбленный, раздраженный и от ран уже хворый воин до того был встревожен, что слег в постель, и все думали, что он уже с нее не встанет. Неправосудие было так очевидно, что все дивизионные и бригадные генералы явно возроптали...»³⁹

Особенности характера Воронцова Вигель, объяснял, в частности, своеобразно воспринятым нашим героем английским воспитанием:

«Сын богатого и знатного человека, он воспитан в Англии, где многие лорды богаче и сильнее немецких владетельных князей, и если подобно им не имеют подданных, зато множество благородных и просвещенных людей идут к ним в кабалу, вместе с ними вступают в службу и оставляют ее: это называется патронедж. Нечто подобное хотелось завести ему для себя в России, где царствует подчиненность начальству, а подданство только одному человеку. В первой молодости, под видом доброго товарищества, поселил он в отцовском доме несколько Преображенских офицеров, содержал их, поил, кормил и, разумеется, надо всеми брал верх. Как главный начальник русского войска в Мобеже, щедротами на французские деньги призвал он к себе неимущих людей: Богдановского, Дунаева, Лонгинова, Казначеева, Франка, Арсеньева, Ягницкого (...) В них видел он свою собственность; в Новороссийском крае некоторых посадил на высшие места и начал делать новый набор, в который по неведению и я как-то попал. *Заметив, однако, что я не совсем охотно признаю над собою крепостное его право, начал он преследовать меня*»⁴⁰.

³⁷ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 880.

³⁸ Там же. С. 907.

³⁹ Там же. С. 880.

⁴⁰ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 1187–1188.

Таким же преследованиям подвергся через несколько лет управитель генерал-губернаторской канцелярии Казначеев, отзывавшийся впоследствии о Воронцове как о человеке двуличном и неискреннем⁴¹.

Для устранения нежелательных для него лиц, случалось, не брезговал Воронцов самыми недостойными способами, как, например, в скандальной истории 1828 года с Александром Раевским. Справедливости ради, отметим, что он имел моральное право добиваться удаления молодого Раевского из Одессы после его безрассудной выходки (это признавал и отец потерпевшего), но способ, который был избран генерал-губернатором, вызвал справедливое возмущение Н. Н. Раевского-старшего и получил должную оценку в его письме младшему сыну Николаю:

«Гр. Воронцов, желая отдалить из Одессы твоего полусумасшедшего брата, нашел благоразумный способ сыскать на него доносчика, будто он вольно говорит о правительстве и военных действиях! Ты знаешь, мой друг Николушка, может ли быть; эти все дурачества влюбленного человека он действительно делал, но предосудительного, – с его чувствами не сходно. И, думая скрыть свое действие, извещает меня о том, что по повелению Государя велено ему ехать в Полтаву, впредь до рассмотрения, уверяя притом, что он сему не причиной, что он сему не верил, но справлялся и действительно нашел, что донесение на него справедливо. Я писал Государю истину, что клеветник есть граф Воронцов...»⁴²

Замечательно выразительную характеристику Воронцова оставил другой современник, знавший его по Одессе:

«Чем ненавистнее был ему человек, тем приветливее обходился он с ним; чем глубже вырывалась им яма, в которую готовился пихнуть он своего недоброхота, тем дружелюбнее жал он его руку в своей. Тонко рассчитанный и издалека заготовляемый удар падал всегда на голову жертвы в ту минуту, когда она менее всего ожидала такового»⁴³.

Не чужд был надменный сановник и низкопоклонства перед теми, кто сильнее его. По воспоминанию Басаргина, Воронцов еще в 1823 году во время торжественного обеда в Тульчине, «много потерял в общем мнении» недостойно подобострастной репликой на сообщение императора Александра I о пленении вождя испанской революции Риго⁴⁴. Позднее этот эпизод нашел отражение в пушкинской эпиграмме «Сказали раз царю, что наконец...». Другой пример, когда Воронцов ездил на дачу влиятельного чиновника Военного Министерства Позена, чтобы подобострастно поздравить его с днем рождения, приводится в Записках сенатора К. И. Фишера:

«Воронцов – вельможа всеми приемами, – производил очень выгодное впечатление; впоследствии сарказмы Пушкина туманили его репутацию, но я продолжал верить в его аристократическую натуру и не верить Пушкину, тем более, что князь Меншиков отзывался о нравственных качествах Пушкина очень неодобрительно...»

Но когда Воронцов поехал к Позену на дачу поздравить его с днем рожденья, я поневоле должен был разделить мнение о Воронцове,

⁴¹ Модзалевский Б. Л. Объяснительные примечания к Дневнику Пушкина // Дневник А. С. Пушкина. М.: Три века, 1997. С. 143.

⁴² Пушкин А. С. Письма. Т. II. М.; Л.: Госиздат., 1928. С. 309.

⁴³ Маркевич Б. М. Поли. собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М., 1912. С. 397.

⁴⁴ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 377.

господствовавшее в общественной молве. Под конец Воронцовские мелкие интриги, нахальное лицепрятие и даже ложь – уронили его совершенно в моем мнении, и я остаюсь при том, что он был дрянной человек»⁴⁵.

Нужно признать, правда, что не все современники отзывались о Воронцове столь же нелицеприятно. Были и такие, что восхищались им. Так, например, А. Я. Булгаков 1 октября 1828 года писал брату в связи со скандальной историей с Александром Раевским:

*«Кажется, чего не достаёт нашему милому Воронцову? (...) Сколько у него есть завистников? Но ежели справедлива история, которую на ухо здесь рассказывают о поступке глупом молодого Раевского с графиней, то не должно ли это отравить спокойствие этого *бесценного человека*...»⁴⁶*

Да, отзыву Н. Н. Раевского (или Вигеля) можно противопоставить мнение А. Я. Булгакова, московского почтового директора с 1832 года (это он распечатал пушкинское письмо жене от 20–22 апреля 1834 года и отправил его Бенкендорфу!)...

Но само сопоставление имен уже говорит за себя!

Поэтому Толстой в главе IX «Хаджи Мурата» все же представил Воронцова самодовольным сановником, не представляющим жизни без обладания властью и без покорности окружающих. Толстой отметил, в частности, что, являясь одним из «русских высших чиновников», Воронцов уделял немалое внимание своему личному благоустройству: «Он владел большим богатством – и своим и своей жены, графини Браницкой – и огромным получаемым содержанием в качестве наместника и тратил большую часть своих средств на устройство дворца и сада на южном берегу Крыма»⁴⁷. Что ж, радение о личном благе черта общая для большинства именитых сановников, и Воронцов не является здесь исключением. Более выразителен центральный эпизод упомянутой главы:

«Разговорившийся генерал стал рассказывать про то, где он в другой раз столкнулся с Хаджи-Муратом.

– Ведь это он, – говорил генерал, – вы изволите помнить, ваше сиятельство, устроил в сухарную экспедицию засаду на выручке.

– Где? – переспросил Воронцов, щуря глаза.

Дело было в том, что храбрый генерал называл “выручкой” то дело в несчастном Даргинском походе, в котором действительно погиб бы весь отряд с князем Воронцовым, командовавшим им, если бы его не выручили вновь подошедшие войска. Всем было известно, что весь Даргинский поход, под начальством Воронцова, в котором русские потеряли много убитых и раненых и несколько пушек, был постыдным событием, и потому, если кто и говорил про этот поход при Воронцове, то говорил только в смысле, в котором Воронцов написал донесение царю, то есть, что это был блестящий подвиг русских войск. Словом же “выручка” прямо указывалось на то, что это был не блестящий подвиг, а ошибка, погубившая многих людей. Все поняли это, и одни делали вид, что не замечают значения слов генерала, другие испуганно ожидали, что будет дальше; некоторые улыбаясь переглянулись.

Один только рыжий генерал с щетинистыми усами ничего не замечал и, увлеченный своим рассказом, спокойно ответил:

– На выручке, ваше сиятельство.

⁴⁵ Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический Вестник, 1908. № 2. С. 449.

⁴⁶ Пушкин А. С. Письма. Т. II. С. 309.

⁴⁷ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. М.: Худ. лит., 1983. С. 58.

И раз заведенный на любимую тему, генерал подробно рассказал, как “этот Хаджи Мурат так ловко разрубил отряд пополам, что, не приди нам на выручку, – он как будто с особенной любовью повторял слово «выручка», – тут бы все и остались потому...”

Генерал не успел досказать все, потому что Манана Орбелиани, поняв, в чем дело, перебила речь генерала, расспрашивая его об удобствах его помещения в Тифлисе. Генерал удивился, оглянулся на всех и на своего адъютанта в конце стола, упорным и значительным взглядом смотревшего на него, – и вдруг понял...»⁴⁸

Не так уж блистательны были порой, по представлению Толстого, военные действия Воронцова на Кавказе. А донесение царю о «блестящем подвиге русских войск», призванное скрыть ошибку, «погубившую многих людей», так напоминает десятки, а может быть, и сотни донесений иных отечественных сановников в последующие полтора века истории России, вплоть до наших дней!

Таким образом, судя по многочисленным свидетельствам современников, Воронцов представлялся им, как принято сейчас говорить, фигурой далеко не однозначной. Могущественный сановник, опытный и заслуженный военачальник, граф, позднее князь, он совершал порой поступки (и не только в случае с Пушкиным), которые никак не вяжутся с образом «достойного, достойнейшего господина». Эти свидетельства современников стоило бы, наверное, объективности ради учитывать авторам современных панегириков Воронцову.

4

А суть конфликта Пушкина с Воронцовым заключалась не в том, что они, вероятнее всего, с самого начала почувствовали острую взаимную неприязнь; и даже не в том, что один был начальником, а другой подчиненным; и не в том также, что Воронцова один из современников (Фишер) прямо назвал «дрянным человеком», а о Пушкине тот же Вигель, человек, по мнению многих, язвительный и не весьма приятный, оставил такие прочувствованные слова:

«Его хвалили, бранили, превозносили, ругали. Жестоко нападая на проказы его молодости, сами завистники не смели отказать ему в таланте; другие искренне дивились его чудесным стихам, но немногим открыто было то, что в нем было, если возможно, еще совершеннее, – его всепостигающий ум и высокие чувства прекрасной души его»⁴⁹.

Суть конфликта заключалась в том, что Пушкин был поэтом и не просто поэтом – гением. А сановник Воронцов не то чтобы не захотел, а просто органически не в состоянии был это понять. Он, как говорится, был сделан из другого теста. Ну кто бы еще из просвещенных современников Пушкина, имевших возможность чуть ли ни ежедневного общения с ним, смог бы позволить себе столь самодовольное признание: «...я говорю с ним не более 4 слов в две недели» (письмо Киселеву от 6 марта 1824 года). И это признание сделано еще за два с лишним месяца до начала открытого противостояния с поэтом!

Пушкин (безотносительно к себе) хорошо понимал, что такое гений, например, гений Байрона. Во второй половине ноября 1825 года в письме Вяземскому, призывая не сожалеть о «потере записок Байрона», он убеждал его всегда быть «заодно с Гением» (XIII, 243). Сам он рано, чуть ли ни в лицейские годы, осознал свое предназначение и масштаб своих творческих возможностей. Он поэтому имел все основания в письме Тургеневу от 14 июля 1824 года

⁴⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. С. 59–60.

⁴⁹ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 825.

охарактеризовать конфликт с Воронцовым (оставим в стороне его весьма резкие выражения) следующим образом: «Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое» (XIII, 103).

Воронцов же, несмотря на свою европейскую просвещенность, не понимал, что творческий процесс происходит не только тогда, когда перо Поэта скользит по бумаге, что творческий процесс идет у Поэта постоянно, не прерываясь ни на минуту (когда он, задумавшись, смотрит вдаль; когда отвечает, еле сдерживая смех, на ироничную реплику собеседника; когда подносит ложку ко рту во время званого обеда). И во сне его подсознание продолжает работу, и даже, наверно, на смертном одре, за мгновение до смерти...

Только за время пребывания в Одессе, с июля 1823 по июль 1824 года, Пушкиным написано около 30 лирических стихотворений, в том числе «Ночь», «Надеждой сладостной младенчески дыша...», «Демон», «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Свободы сеятель пустынный...», «Телега жизни», первые редакции столь крупных и значительных стихотворений, как «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» и «К морю», произведена окончательная отделка и подготовка к печати «Бахчисарайского фонтана», начаты «Цыганы» (черновая редакция первых 145 стихов), окончена глава первая (начата 9 мая 1823 года в Кишиневе), полностью написана глава вторая и значительная часть главы третьей «Евгения Онегина». Кроме того, он вел интенсивную литературную переписку с друзьями и знакомыми в Петербурге и в Москве. Адресатами его писем были А. А. Бестужев, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, А. И. Тургенев, А. А. Шишков, Н. И. Кривцов и др.

Забавно читать в связи с этим, что Воронцов в конце 1823 – начале 1824 года, как мы уже отмечали, предлагал Вигелю склонить поэта «заняться чем-нибудь путным», а в уже цитированном нами письме Лонгинову от 8 апреля 1824 года характеризовал Пушкина как человека, который «ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лениности».

За это же время имя Пушкина не сходило со страниц литературных изданий. О нем писали в «Отечественных записках», «Соревнователе просвещения», «Полярной звезде», «Сыне отечества», «Литературных листках» и, наконец, в лондонском «Westminster Review», чего англоман Воронцов не мог не знать. В это же время в различных изданиях выходили стихи и поэмы Пушкина. М. П. Погодин 23 сентября 1823 года записал в дневнике: «Государь, прочтя Кавказского пленника, сказал: надо помириться с ним»⁵⁰. Тургенев 11 марта 1824 года пишет Вяземскому: «Что же “Фонтан” по сию пору на нас не брызжет? Не забудь прислать получше экземпляр для императрицы»⁵¹.

А у Воронцова слава Пушкина вызывала откровенное раздражение, и он обращал внимание Нессельроде на «восторженных поклонников», которые напрасно кружат голову Пушкину, уверяя его, «что он замечательный писатель»!

Воронцов не только не понимал, что Пушкин – Поэт, и не придавал этому никакого значения, он не воспринимал Пушкина и как личность, считая что тот не работает «постоянно для расширения своих познаний», которых у «него недостаточно». И такое суждение выносилось о Пушкине, которого через два с небольшим года новый император Николай I назовет умнейшим человеком России (что не сделает, впрочем, жизнь поэта безоблачной и не избавит его от коллизий с властью, но это уже другая тема: «Поэт и царь»). Такое суждение высказал Воронцов о Пушкине, колоссальная осведомленность которого в самых различных вопросах мировой истории и литературы поражает воображение многочисленных пушкинистов на протяжении почти 170 лет, прошедших со дня его гибели.

При этом все же следует признать, что высокомерное отношение Воронцова к поэту и к делу поэта не являлось каким-то невероятным, чудовищным недоразумением: нет, для санов-

⁵⁰ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 342.

⁵¹ Остафьевский архив. Т. 3. С. 17.

ников это было в порядке вещей. Российские сановники в подавляющем большинстве своем никогда не понимали (и не понимают сейчас) значения поэта и его деятельности. Так, после смерти Пушкина председатель Цензурного комитета и попечитель С.-Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков был возмущен некрологом, опубликованным в «Литературном прибавлении к Русскому Инвалиду» в связи со смертью Пушкина, и отчитал за него редактора А. А. Краевского:

«Я должен вам передать, – сказал попечитель Краевскому, – что министр (Сергей Семенович Уваров) крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никогда никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда ни шло! Но что за выражения! “Солнце поэзии!” Помилуйте, за что такая честь? “Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!” Какое это такое поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж!? Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стихи не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще!»⁵²

Тирада Уварова по сути совпадает со сказанным Воронцовым Вигелю в конце 1823 – начале 1824 года (мы это уже цитировали): «Помилуйте, такие люди умеют быть только великими поэтами, – отвечал я (Вигель. – В. Е.). Так на что же они годятся? – сказал он».

Но со временем Воронцов, возможно, изменил свое мнение, во всяком случае, известен его довольно сочувственный отклик на известие о смерти поэта: «Мы все здесь удивлены и огорчены смертью Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе»⁵³. Правда следующая фраза его письма свидетельствует о том, что он и тогда столь же плохо понимал поэта, как 13 лет назад: «Еще более горестно думать, что несчастья этого не было бы, если бы не замешались в этом деле комеражи, которые, вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали его и довели до бешенства»⁵⁴. Все дело, по его представлению, было «в комеражах», которых поэт не сумел вынести и дошел до бешенства. Неясно к тому же, как эти «комеражи» могли бы «успокоить человека»? Нельзя также не привести здесь не лишенный определенных оснований саркастический комментарий И. С. Зильберштейна к сочувственному будто бы письму Воронцова:

«Несомненно, что лицемерно-сочувственные строки Воронцова о гибели поэта вызваны были желанием хитрого царедворца отделить себя в глазах общества от врагов Пушкина. Это предположение подтверждает записка М. И. Лекса (адресата Воронцова. – В. Е.) к В. А. Жуковскому от 25 февраля 1837 г.: “Имею честь препроводить при сем выписку из письма графа М. С. Воронцова. Он достойно чтит память незабвенного Пушкина и чрез то усиливает свои права на общее уважение”»⁵⁵.

Очень может быть, что сочувственные слова Воронцова не в последнюю очередь вызваны были желанием «усилить свои права на общее уважение». А вот Уваров и Дондуков-Корсаков такого желания, судя по всему, не имели.

⁵² Вересаев В. Пушкин в жизни. Минск: Мастацкая літаратура, 1986. С. 598.

⁵³ Литературное наследство. Т. 58. С. 44.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

Однако у времени свои критерии. И вот почти через 125 лет после смерти Пушкина другой русский поэт, Анна Ахматова, как бы подвела итог полемике о статусе поэта, в частности о том, сопоставимо или не сопоставимо его поприще с поприщем министра или полководца:

«Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий»⁵⁶.

Воронцов повезло больше. Его имя осталось в истории России и в литературе – не только в пушкинских эпиграммах и письмах, не только в толстовской повести, но и в весьма лестной для него строфе баллады Жуковского «Певец во стане русских воинов». Но тут уместно отметить, что сам Жуковский после удаления в 1824 году Пушкина из Одессы, судя по некоторым фактам, не расположен был лично общаться с Воронцовым:

«Описывая случайную встречу Воронцова и Жуковского на почтовой станции близ Дерпта (Тарту) в октябре 1827 г., нечаянный ее свидетель, английский врач А. Грэнвилл, замечает, что Воронцов с большим почтением обращался к Жуковскому, последний же, хотя он и Воронцов ехали в одном направлении, без особых церемоний умчался вперед – “очевидно, очень торопясь”, добавляет рассказчик»⁵⁷.

Да, эпоха, по справедливому замечанию Ахматовой, стала называться пушкинской. Совсем иное значение приобрел статус поэта в России. Свершилось то, о чем мечтательно рассуждал Жуковский в письме к Вяземскому из Дрездена (26 декабря 1826 года):

«Нет ничего выше как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделался бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: “Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более твоих предшественников...”»⁵⁸

Недаром наш современник, автор многих и разных поэтических деклараций, провозгласил, что «поэт в России больше, чем поэт». Кажется, тут он не ошибся. Этому новому статусу поэта Россия обязана Пушкину.

Есть в «Сказке о золотом петушке» такое признание:

Но с иным накладно вздорить, —

Пушкин, как известно, подразумевал под «иным» царя. И вот сегодня возникает соблазн воспринимать эту строчку в обратном смысле: напрасно Новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабии граф Михаил Семенович Воронцов так недостойно «вздорил» с Поэтом, не прибавило это славы его имени...

2006

⁵⁶ Ахматова А. О Пушкине. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 6.

⁵⁷ Аршиштейн Л. М. Указ. соч. С. 297.

⁵⁸ Литературное наследство. Т. 58. С. 60.

«Оставля честь судьбе на произвол...» (Пушкин и Аглая Давыдова)

С Аглаей Антоновной Давыдовой, женой генерал-майора в отставке Александра Львовича Давыдова, Пушкин встретился в селе Каменка Чигиринского уезда Киевской губернии, имени Е. Н. Давыдовой, матери Александра Львовича. Приезд его в Каменку с разрешения благоволившего к нему кишиневского начальника генерала И. Н. Пн-зова датируется 18–22 ноября 1820 года. С перерывами для поездок в Киев и Тульчин пребывание Пушкина в Каменке затянулось до 3 марта 1821 года. Тут и пережил он очередное романтическое увлечение.

Аглая Антоновна (1887–1847), француженка по происхождению, дочь герцога де Граммон, была на 14 лет моложе мужа, с которым познакомилась семнадцатилетней девушкой в 1804 году в Митаве, центре французской эмиграции в России. Она была хороша собой и нередко становилась предметом любовных домогательств. В одном биографическом очерке конца XIX века Аглая Антоновна характеризовалась как особа «весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая», которая «как истая француженка, искала в шуме развлечений средство не умереть со скуки в варварской России»⁵⁹. Известны стихи Дениса Давыдова, двоюродного брата Александра Львовича, обращенные к нашей героине в 1809 году, где она предстает в образе роковой женщины:

... Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,
Если взор супруга верного
Хотя раз, хоть на мгновение
Обратиться на волшебницу.

По утверждению сына Дениса Давыдова, во время военных действий 1812 года «от главнокомандующего до корнетов всё жило и ликовало в Каменке, но главное – умирало у ног прелестной Аглаи»⁶⁰.

Во время пребывания Пушкина в Каменке Давыдова отнюдь не утратила еще своей привлекательности, и, судя по всему, между ними возник непродолжительный роман. Об этом есть кое-что в воспоминаниях И. П. Липранди, на ту же мысль наводят пушкинские стихи, обращенные к ней (их мы рассмотрим чуть позже), ее имя присутствует в первом так называемом Дон-Жуанском списке Пушкина. В рукописях Пушкина имеются изображения Аглаи и ее дочери Адели, относящиеся, правда, к более позднему времени, выявленные в свое время Т. К. Галушко⁶¹.

Мы не располагаем достоверными сведениями о том, встречался ли Пушкин с Аглаей после марта 1821 года. По-видимому, в 1822–1823 годах она переселилась в Петербург, где дочери ее были приняты в Екатерининский институт, в связи с чем упомянуты в дневнике А. О. Смирновой-Россет, учившейся там же⁶².

⁵⁹ Лобода А. М. Пушкин в Каменке // Памяти Пушкина. Научно-литературный сборник, составленный профессорами и преподавателями университета ев. Владимира. Киев, 1899. С. 95.

⁶⁰ Ходасевич В. Аглая Давыдова и ее дочери // Современные записки. Вып. LVIII. Париж, 1935. С. 229.

⁶¹ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 153–154. Также Галушко Т. «Раевские мои...». Л.: Лениздат, 1991. С. 123–125.

⁶² См.: Ходасевич В. Аглая Давыдова и ее дочери. С. 237.

В конце 1820-х годов Аглая Давыдова вместе с дочерьми уехала в Париж, где через какое-то время после смерти мужа (1833) вышла замуж за генерала Ораса Себа де ля Порта, впоследствии ставшего министром иностранных дел Франции.

Что касается стихов, которые пушкинисты связывают с Аглаей, то тут можно с уверенностью утверждать: они написаны уже после того, как романтическое увлечение Пушкина кончилось и на смену ему пришло нескрываемое чувство неприязни. Всего этих стихотворений пять, приводим их названия в последовательности, учитывающей предполагаемое нами время написания:

Кокетке,
Эпиграмма («Оставля честь судьбе на произвол...»),
«A son amant Egle sans resistance...»,
«J'ai possede maitresse honnete...»,
«Иной имел мою Аглаю...».

Первым, было, по-видимому, стихотворное послание предмету недавнего увлечения – стихотворение «Кокетке» (во всяком случае, черновой его вариант). Затем была написана «Эпиграмма» («Оставля честь судьбе на произвол...»), которая датируется 5 апреля 1821⁶³. Через два месяца, в начале июня (1–5 июня) Пушкин вновь не по-доброму вспоминает Аглаю – пишет в ее адрес на французском языке еще две эпиграммы⁶⁴. И завершает список эпиграмма «Иной имел мою Аглаю...», которая могла появиться в интервале времени между декабрем 1820 и 24 января 1822 года.

Стихотворения эти, написанные приблизительно в одно время, являют собой уникальный случай в творчестве Пушкина: такому массированному уничижению не подвергалась ни одна женщина из тех немногих, что в силу каких-либо причин становились в разное время объектом его неприязни. Все стихотворения, за исключением первого, являют собой пример откровенной грубости, а второе («Оставля честь судьбе на произвол...») – еще и непристойности, оставляющей, скажем прямо, неприятное чувство. При этом, судя по всему, Пушкин не делал из них секрета (не для того они были написаны!), и они, по-видимому, доходили до Аглаи, что можно предположить по уже упоминавшимся воспоминаниям Липранди, относящимся к марту 1822 года:

«Он (А. Л. Давыдов. – В. Е.) приехал в Петербург с женой и дочерью, которые отправлялись за границу. Обедали мы вчетвером, и я заметил, что жена Давыдова в это время не очень благоволила к Александру Сергеевичу, и ей, видимо, было неприятно, когда муж ее с большим участием о нем расспрашивал. Я слышал уже неоднократно прежде о ласках Пушкину, оказанных в Каменке и слышал от него восторженные похвалы о находившемся там семейном обществе, упоминалось и об Аглае. Потом уже узнал я, что между ней и Пушкиным вышла какая-то размолвка, и последний наградил ее стишками!»⁶⁵

⁶³ Датировка стихотворений приводится по «Летописи жизни и творчества Пушкина в четырех томах». Т. 1. М.: Слово, 1999.

⁶⁴ Датируется предположительно.

⁶⁵ Липранди И. 77. Из дневника и воспоминаний // Русский архив. 1866. № 10. С.1485.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.